

УДК 94(470/5)

*Н. М. Арсентьев¹, А. В. Слудных², Е. А. Аверьянова³*¹ *Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия),
e-mail: director_isi@bk.ru*² *АО «Производственное объединение ОУМЗ имени Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия),
e-mail: sludnichav1982@inbox.ru*³ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: averyanova-morm@mail.ru*

Стенограмма как зеркало эпохи: отражение в общественном сознании сотрудников Государственного оптического института перемен в научной политике и производственной деятельности 1930–1940-х гг.

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию уникального пласта документов – стенографических отчетов Государственного оптического института (ГОИ) им. С. И. Вавилова. В отличие от официальных приказов или научных публикаций стенограмма рассматривается как «живой» исторический источник, фиксирующий не только итоговые решения, но и сам процесс рождения научной мысли, столкновение амбиций и драматизм внедрения высоких технологий в массовое производство.

Результаты и обсуждение. На основе анализа ранее малоизученных материалов (преимущественно 1930-х – середины 1940-х гг.) выявлено, что стенограммы ГОИ являются зеркалом масштабной индустриальной трансформации. В работе показано, как через непубличные дискуссии решались критические задачи: от преодоления импортной зависимости в 1930-е гг. до мобилизационного рывка в годы Великой Отечественной войны.

Заключение. Исследование показало, что стенограмма является ключевым инструментом для реконструкции подлинной истории науки. Она позволяет увидеть за сухими цифрами планов живые голоса участников событий и понять механизмы, благодаря которым ГОИ стал фундаментом советской оптико-механической промышленности. Материалы исследования подчеркивают актуальность изучения архивного наследия для анализа современных стратегий технологического развития.

Ключевые слова: Государственный оптический институт, стенограмма, история науки, исторический источник, индустриализация, оптическая промышленность, научно-технический прогресс, архивы Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб).

Для цитирования: *Арсентьев Н. М., Слудных А. В., Аверьянова Е. А.* Стенограмма как зеркало эпохи: отражение в общественном сознании сотрудников Государственного оптического института перемен в научной политике и производственной деятельности 1930–1940-х гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 21–38. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.021-038.

© Арсентьев Н. М., Слудных А. В., Аверьянова Е. А., 2026

Nikolay M. Arsentiev¹, Anatoly V. Sludnykh², Ekaterina A. Averyanova³

¹ *Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science (Moscow, Russia),
e-mail: director_isi@bk.ru*

² *Ural Optical and Mechanical Plant named after E. N. Yalamov (Ekaterinburg, Russia),
e-mail: sludnichav1982@inbox.ru*

³ *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: averyanova-morm@mail.ru*

The Transcript as a Mirror of the Era: Reflection in the Public Consciousness of the Staff of the State Optical Institute of Changes in Scientific Policy and Industrial Activities of the 1930s–1940s

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of a unique layer of documents – verbatim reports of the S. I. Vavilov State Optical Institute (SOI). Unlike official orders or scientific publications, the transcript is considered as a “living” historical source, recording not only the final decisions, but also the very process of the birth of scientific thought, the clash of ambitions and the drama of the introduction of high technologies into mass production.

Results and Discussions. Based on the analysis of previously poorly studied materials (mainly from the 1930s to the mid-1940s), it was revealed that the SOI transcripts are a mirror of a large-scale industrial transformation. The paper shows how critical tasks were solved through non-public discussions: from overcoming import dependence in the 1930s to the mobilization breakthrough during the Great Patriotic War.

Conclusion. The study showed that the transcript is a key tool for reconstructing the true history of science. It allows you to see behind the dry figures of the plans the living voices of the participants in the events and understand the mechanisms by which SOI became the foundation of the Soviet optical and mechanical industry. The research materials emphasize the relevance of studying the archival heritage for the analysis of modern strategies of technological development.

Keywords: State Optical Institute, transcript, history of science, historical source, industrialization, optical industry, scientific and technological progress, archives of the Central Research Institute.

For citation: *Arsentiev N. M., Sludnykh A. V., Averyanova E. A. The Transcript as a Mirror of the Era: Reflection in the Public Consciousness of the Staff of the State Optical Institute of Changes in Scientific Policy and Industrial Activities of the 1930s–1940s. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 21–38. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.021-038.*

Введение

Во все времена, когда вопросы достижения технологического суверенитета и анализа историй успеха наукоемких отраслей были приоритетными для отечественной науки, обращение к опыту прошлого приобретает особую остроту. Опыт Государственного оптического института (ГОИ) им. С. И. Вавилова в этом контексте служит эталонным примером того, как фундаментальные идеи в кратчайшие сроки трансформировались в мощный промышленный щит страны.

История ГОИ им. С. И. Вавилова традиционно представляется как череда блестящих открытий и триумфальных отчетов. Однако за парадным фасадом «главного оптического глаза» страны скрывается сложнейший и порой болезненный процесс принятия решений, который редко попадал на страницы печатных трудов. Чтобы понять, как в середине XX в. создавался фундамент отечественной оптико-механической промышленности, необходимо обратиться к самому «человечному» и в то же время беспощадному историческому источнику – стенограмме.

Стенограмма заседаний ГОИ – это не просто механическая фиксация произнесенных слов. Это «фонограмма» эпохи, запечатлевшая живую динамику научной мысли. В отличие от официальных протоколов, где итоги дискуссии подведены под общий знаменатель, стенограммы сохранили для нас интонации споров, сомнения академиков и резкие реплики производственников. Это документы, в которых наука встречается с политикой, а теоретическая физика – с суровыми реалиями заводского цеха.

В центре внимания – ключевой период с 1930-х по середину 1940-х гг. Это время стало для института эпохой большого вызова. Если в 1920-е гг. ГОИ еще сохранял черты академического научного центра европейского типа, то к началу 1930-х гг. он был вынужден превратиться в «штаб» огромной отрасли. Анализируя ранее недоступные или малоизученные материалы из фондов Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), исследователи ставят перед собой задачу заглянуть за закрытые двери кабинетов и залов заседаний.

Степень разработанности темы

История Государственного оптического института (ГОИ) им. С. И. Вавилова традиционно находилась в фокусе внимания историков науки и техники. основополагающими в этой области являются труды создателей и корифеев ГОИ – С. И. Вавилова, Д. С. Рождественского, в которых заложены основы понимания институционального становления отечественной оптики [4]. В советский период акцент смещался на описание научно-технических достижений и юбилеев (работы В. Н. Новикова, мемуарные сборники сотрудников), что позволило сформировать подробную хронику открытий [2].

В современной историографии (2010–2020-е гг.) намечился переход к более глубокому анализу связи науки и государственного управления. Значительный вклад в изучение смежных высокотехнологичных отраслей внесли исследования, посвященные взаимодействию Академии наук СССР с промышленными наркоматами. Однако, несмотря на обилие литературы по истории оптики, стенограммы совещаний ГОИ как самостоятельный исторический источник до сих пор не становились объектом комплексного анализа.

Большинство существующих работ опирается на итоговые документы: опубликованные статьи, отчеты и приказы. В то же время «внутренняя кухня» института – живые дискуссии, зафиксированные в стенограммах, – оставалась на периферии исследовательского внимания. В 2026 г., когда историческая наука все чаще обращается к методам микроистории и анализу дискурса власти и науки, назрела необходимость восполнить этот пробел. Данная статья призвана расширить источниковую базу темы, введя в научный оборот материалы из фондов ЦГАНТД СПб, которые позволяют реконструировать не только результаты, но и логику научного поиска в условиях индустриализации и войны.

Результаты и обсуждение

Анализ стенографических материалов ГОИ позволяет реконструировать сложную траекторию развития института не как линейное накопление знаний, а как череду драматических преодолений технологических и организационных барьеров. Сама природа стенограммы позволяет исследователю увидеть эти барьеры глазами современников.

Ярким примером служит стенограмма совещания ГОИ от 4 мая 1932 г., посвященного планированию работ на вторую пятилетку (1933–1937 гг.)¹. Этот документ

¹ Стенограмма совещания по состоянию 2-го пятилетнего плана института на 1933–1937 годы. 1932 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 269. Всего 181 л.

фиксирует критический момент: переход от формирования фундаментальных заделов к созданию полноценной промышленной инфраструктуры.

Проблема целеполагания, зафиксированная в мае 1932 г., предстает как главный вызов времени. Открывая совещание, председатель Иван Иванович Орловский, директор ГОИ с 1932 по 1933 г., следующим образом обозначил возникшую системную проблему: «Назначая сегодня первое совещание дирекции совместно с начальниками секторов и представителями общественности, мы решили несколько обменяться мнениями, по каким путям и дорогам мы подойдем к составлению плана второй пятилетки по каждому нашему сектору в отдельности. Я лично имел со стороны некоторых секторов претензии в том отношении, что они не знают своих целевых установок в области работы во второй пятилетке и не только целевых установок секторов, но и целевой установки всего Института в целом, не знают, какими темпами будет разворачиваться работа всего Института и, в связи с этим работа каждого сектора»².

Анализ этой цитаты позволяет сделать важный вывод: на начало 1930-х гг. в институте мирового уровня отсутствовало единое стратегическое видение развития. Научная мысль была децентрализована. Стенограмма показывает, как руководство страны пытается преодолеть эту раздробленность, навязать единый «темп» и «целевые установки». Таким образом, документ от 4 мая 1932 г. становится точкой отсчета, где научная мысль ГОИ окончательно принимает на себя ответственность за индустриальный успех целой отрасли, но делает это через болезненный процесс централизации управления и планирования.

Особое место в анализе стенограммы от 4 мая 1932 г. занимает обсуждение крити-

ческого разрыва между научным замыслом и его материальным воплощением. Факт нехватки оборудования и дефицита кадров предстает здесь не как частная техническая трудность, а как основной барьер на пути к реализации второй пятилетки.

В выступлениях участников совещания за риторикой о «темпах разворота» скрывалась жесткая реальность: амбициозные задачи по созданию новых типов оптического стекла и сложных приборов упирались в отсутствие квалифицированных мастеров-оптиков. Стенограмма фиксирует, как академик Дмитрий Сергеевич Рождественский, первый директор ГОИ, в ответ на призыв И. И. Орловского к планированию ставит встречный вопрос о «базе»: без создания мощного опытного производства при институте любая «целевая установка» оставалась лишь теоретическим прогнозом.

Иллюстрируя масштаб проблемы обеспечения кадрами, Дмитрий Сергеевич приводил конкретные расчеты, демонстрирующие колоссальный разрыв с Западом в трудовых ресурсах и квалификации: «Основной момент во всей этой пятилетке, т. е. в годы 33-34-35-36 и 37, заключается в том, что мы должны осуществлять ее с нашим главным хозяином – с ВООМПом и работать главным образом на него. Делать это будет очень трудно, так как разворачивать свою пятилетку ВООМПу будет чрезвычайно тяжело. Мы составляем сейчас пятилетку, – в частности я принимаю довольно деятельное участие в комиссии по выработке этой пятилетки, и видим, насколько тяжело будет ВООМПу ее осуществлять, т. к. и сейчас ВООМП плохо осознает, в чем заключается главное затруднение, а оно заключается в отсутствии кадров. Но мы повторяем это без конца, а вместе с тем чрезвычайно плохо это усваиваем и принимаем

² Стенограмма совещания по состоянию 2-го пятилетнего плана института на 1933–1937 годы. 1932 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 269. Л. 1, 2.

весьма слабые меры против этого, в частности, в нашей пятилетке мы не бьем в набат о кадрах и этим самым просто режем нашу пятилетку.

Я посмотрел, сколько нам нужно рабочих для того, чтобы перевести оптическую промышленность с Запада к нам и оказалось, что мы должны иметь 45 000 рабочих, чтобы работать непрерывно, так как работает 45 000 рабочих, скажем в Германии. У нас налицо 9 000, но это и не важно, ибо фактически я считаю, что у нас – 0. Из этих 45 000 технический персонал в германской промышленности составляет 7–8 %, но это далеко не все. Помимо этого, около 8 % насчитывается собственников различных оптических предприятий, из которых довольно большое количество приходится на руководящий технический персонал, так что в Германии технического персонала от 10 до 12 %. Если подсчитать, сколько технического персонала нужно нам, то весьма голодная норма выразится в цифре 4 000 инженеров на 45 000 рабочих, которые заводовали бы этой промышленностью.

Что мы можем дать по техническому персоналу? Комбинат производит в 32 году 150 человек максимально, в 33 году – 673, в 34-ом – 418 итого – к концу 34 года, если мы всех ассимилируем, мы получим 1 241 человек, вместо 4 000. Если в течение последующих лет мы будем давать по 700 человек, то в 37 году мы будем иметь всего 3 341 человек, т. е. все-таки меньше, чем те 4 000–4 500 тысячи, которые нам нужны. И это еще сравнительно благополучно, потому что с чисто рабочим вопросом дело обстоит гораздо хуже, там мы должны говорить о квалифицированных рабочих, а не о рабочих от сохи, как берут сейчас заводы и гибнут, потому что имеют не рабочих, а пастихов на производстве. Вычитаем 9 000 наличных рабочих из 45 000 получаем 36 000 человек, а производим мы не больше 3 000, следовательно, вместо 6 000 в год, кото-

рые мы должны производить, мы производим – ровно половину. Таким образом здесь картина рисуется довольно безнадежная. Чтобы приняться за пятилетку, мы должны сегодня расширить комбинат до необходимых размеров. У нас во всяком случае плюс по сравнению с тем, что было год тому назад, когда фактически комбината не было, сейчас это уже реально живущее и обучающее учреждение, дающее определенные цифры развития. Вот где центр тяжести вопросов во вторую пятилетку».

Анализ документа показывает, что к середине 1930-х гг. в ГОИ формируется понимание, что институт не может более оставаться просто «лабораторией идей». Чтобы преодолеть кадровый голод, ученые – физики и химики были вынуждены включить в план второй пятилетки задачи по проектированию образовательных программ для техников и созданию собственных механических мастерских. Таким образом, стенограмма подтверждает, что в 1932 г. научная мысль ГОИ была направлена на конструирование не только приборов, но и всей индустриальной экосистемы, без которой развитие оптики в СССР было бы невозможным [3, с. 4–7].

Важным остается и то, что обмен мнениями на совещании 4 мая 1932 г. не был формальностью или «ритуальным» заседанием. Напротив, документ фиксирует процедуру жесткого и четкого делегирования задач, превращая обсуждение в проектирование управленческой вертикали.

Председатель совещания И. И. Орловский выстраивает структуру планирования, распределяя ответственность между ключевыми фигурами института. Согласно тексту стенограммы, он определяет следующий порядок работы: «Гов. Орловский: несколько вводных частей скажу я, затем Дмитрий Сергеевич скажет об установке с точки зрения развития научной базы нашего Института во вторую пятилетку, и Николай Нико-

лаевич Качалов скажет в области пятилетки по оптической промышленности. Потом каждый из присутствующих начальников секторов выскажет свои предположения по работе отдельных секторов и отдельных неувязках, и трудностях, которые будут стоять на его пути в области разработки планов второй пятилетки.

Исходя из этого мы обобщим материалы по основным отдельным вопросам и затем приступим к работе по каждому сектору, причем вся работа секторов будет также стенографироваться с тем, чтобы комиссия по разработке пятилетки Института во главе с А. И. Стожаровым могла бы получить обобщенные материалы по работе всех секторов и затем уже приступить к составлению сводной пятилетки к определенному намеченному сроку»³.

Эта цитата раскрывает уникальную архитектуру ГОИ того времени. Мы видим «триединую» систему управления: административная стратегия (Орловский), фундаментальный вектор (Рождественский) и связь с реальным производством (Качалов).

Особое внимание стоит обратить на установку выявлять «неувязки и трудности». Это доказывает, что стенограмма была для руководства ГОИ инструментом обратной связи. Ученые и руководители секторов призывались не к рапортованию об успехах, а к критическому анализу барьеров. Такой подход позволял институту синхронизировать теоретические поиски с нуждами оптической промышленности, превращая план второй пятилетки из бюрократического документа в реальную дорожную карту технологического рывка.

Последующий ход совещания, зафиксированный в стенограмме, демонстрирует,

что задекларированный «обмен мнениями» быстро перерос в инвентаризацию проблем, которые в 2026 г. мы бы назвали «критическими рисками проекта». Реплики начальников секторов вскрывают пласт проблем, которые обычно оставались за скобками официальных отчетов: от катастрофической тесноты помещений до отсутствия точных измерительных приборов.

В ответ на вопрос Орловского о «темпах» из стенограммы начинают звучать голоса практиков, для которых вторая пятилетка была не набором цифр, а вопросом выживания лабораторий. Одной из центральных «неувязок» стала катастрофическая нехватка базовых условий для работы. В стенограмме зафиксированы критические замечания, обнажающие реальный фон индустриализации: «Мы не имеем возможности развернуть работу, потому что у нас нет помещений. Мы сидим друг у друга на головах...» – звучит в выступлениях, и следом поднимается вопрос о приборной базе: «Как мы можем планировать точность во вторую пятилетку, если у нас нет эталонных измерителей, которые мы вынуждены выпрашивать у заводов?»⁴

Анализ этих реплик позволяет сделать вывод, что «неувязки», о которых говорил Орловский, были не случайными помехами, а системным кризисом роста. Здесь важно сделать ремарку: будь то Орловский или любой другой руководитель ГОИ того времени, успех обеспечивался не только персональной волей, но и готовностью управленческого аппарата признавать дефицит ресурсов как отправную точку для перемен.

Именно открытая фиксация этих проблем на уровне стенограмм позволила «три-

³ Стенограмма совещания по состоянию 2-го пятилетнего плана института на 1933–1937 годы. 1932 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 269. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 31–33.

умвирату» (Орловский – Рождественский – Качалов) превратить жалобы сотрудников в аргументированные требования перед вышестоящим Народным комиссариатом тяжелой промышленности СССР (НКТП). Это позволило в дальнейшем «выбить» ресурсы для строительства новых корпусов и закупки дефицитного оборудования в Германии, Англии, Франции, что в итоге обеспечило триумф оптической отрасли к середине 1930-х гг. Стенограмма в данном случае выступила не просто протоколом встречи, а инструментом политического и экономического веса, превратившим внутренние «неувязки» в государственную программу развития.

Если стенограммы 1932 г. отражали внутренний поиск стратегии, то материалы совещаний ГОИ с представителями Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности (ВООМП) по согласованию тематики на 1934 г. демонстрируют выход института на принципиально иной уровень интеграции. Эти документы фиксируют сложный процесс «торговли» за тематику работ первой очереди и подготовку ключевых договоров⁵.

Для понимания веса принимаемых в 1934 г. решений необходимо обратить внимание на персональный состав участников совещаний между ГОИ и ВООМП, состоявшихся 8–10 декабря 1933 г. Стенограмма фиксирует уникальный момент: за одним столом оказались люди, представлявшие принципиально разные подходы к развитию технологий.

Со стороны ГОИ в дискуссии участвовала интеллектуальная элита института: директор Л. А. Ольберт; заместитель директора по научной части академик С. И. Вавилов; начальник химического сектора ака-

демик И. В. Гребенщиков; руководители групп химического сектора А. Г. Самарцев, В. В. Варгин, К. А. Кракау; начальник оптотехнического сектора В. П. Линник; заведующий лабораторией астрономической оптики Д. Д. Максудов; начальник фотографического сектора Т. П. Кравец; начальник фотометрического сектора М. М. Гуревич; заведующий прожекторной лабораторией Р. К. Устюгов; заместитель начальника сектора вычислительной оптики Г. Г. Слюсарев; заведующий цветовой лабораторией Л. И. Демкина; руководитель группы той же лаборатории Г. Н. Раутиан; начальник планового сектора И. И. Экштейн; представители экономического сектора З. А. Егорова, Е. М. Лурье и старший экономист планового сектора С. Е. Гороховский, которые видели в плане на 1934 г. прежде всего возможность реализации глубоких научно-исследовательских программ.

Им противостоял блок представителей ВООМП в лице заместителя управляющего Я. Н. Перепелкина и заведующего НТО КИБ Л. Г. Титова, технического директора КИБ С. Т. Цукермана, инженера НТО А. Н. Бурагова – технократов и управленцев, для которых «наука» была инструментом решения насущных проблем заводов.

За одним столом с руководством ГОИ и ВООМП оказались те, кто стоял на передовой производства оптического стекла, – делегаты от ведущих предприятий отрасли. Присутствие представителей крупнейших стекольных заводов, таких как Государственный оптико-механический завод (ГОМЗ), Ленинградский завод оптического стекла (ЛенЗОС) и Опытный завод (заведующий лабораторией Д. Е. Радченко), коренным образом менял тональность обсуждения. Если аппарат ВООМП опериро-

⁵ Стенограммы совещаний представителей института и Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности по тематике работ на 1934 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 291. Всего 78 л.

вал общими цифрами плана, то представители заводов вносили в дискуссию жесткую производственную специфику: делегаты от ЛенЗОС – технический директор Л. А. Зинин, начальник производственного сектора Г. А. Куманин в стенограммах 1934 г. – выступают как главные критики лабораторных методик варки. Для них согласование тематики было вопросом получения таких составов стекла, которые не давали бы брака в условиях огромных заводских печей.

Представители ГОМЗ – заведующий научно-исследовательским отделом (НИО) И. А. Шошин, инженер научно-технического отдела (НТО) А. Н. Бурого, ориентированные на выпуск сложной механики и фототехники, требовали от ученых ГОИ немедленного решения проблем точности и светосилы приборов, которые уже стояли на конвейере.

Такой состав участников превращал стенограмму в арену столкновения трех сил: фундаментальной науки (ГОИ), государственного планирования (ВООМП) и реального цеха (ГОМЗ, ЛенЗОС). Именно в этом треугольнике интересов ковался «договор работ первой очереди», который не оставлял места для теоретических отступлений. О том, насколько предметным был этот разговор, можно судить по следующему фрагменту: «Задача нашего сегодняшнего совещания – обсудить совместно тематику Химического сектора. Эта тематика известна ВООМПу, с другой стороны, ВООМПом представлены темы, выдвинутые оптико-механической промышленностью. Наша задача – договориться сегодня прежде всего о тех темах, которые мы считаем первоочередными, которые должны начаться выполнением с начала года – с 1 января. Хотя ни ГОИ, ни ВООМП не могут принять на себя окончательных обязательств в том смысле, что та или иная тема окончательно будет утверждена. Сегодняшнее решение не явится уже словесной дого-

воренностью в смысле заключения договора, но во всяком случае мы считаем, что сегодняшнее наше совещание должно решительно выделить какие темы являются первоочередными, какие темы могут быть отложены на более поздние кварталы 1934 года и какие темы могут быть, с точки зрения ВООМПа и ГОИ, отодвинуты на 1935-й год.

Очень было бы нежелательно, чтобы в 1934 году повторилась история 33-го года, когда некоторые работы были начаты, существовала договоренность технических представителей ВООМПа и ГОИ, в отношении приемлемости и нужности ряда тем и тем не менее до конца года, можно сказать, почти до сегодняшнего числа, на ряд выполняемых работ договор не был заключен. Институт, благодаря этому попал в затруднительное положение и, конечно, это не могло не отразиться на самом ходе работы. Вся эта работа в материальном отношении не имела никакой базы. Так вот хотелось бы в этом году к делу подойти совершенно иначе. На сегодняшнем совещании окончательно договориться, какие темы мы считаем приемлемыми, договориться, в какой стадии работы ВООМПу желательно получить их от ГОИ, если имеется в виду обучение работников ВООМПа новым операциям, то это должно быть оговорено и т. п. Это нужно предусмотреть для того, чтобы такой окончательный этап результата работы не послужил бы в дальнейшем препятствием для заключения конкретного договора, не послужил бы причиной затягивания, которое имело место в 1933 году.

Мы не правомочны, повторяю (С. И. Вавилов), сегодня решить, что та или иная тема принята окончательно, но во всяком случае, когда выяснится бюджет ВООМПа, когда выяснятся те средства, которые могут быть отпущены ВООМПом на научно-исследовательскую работу, то наши сегодняшние решения должны быть приняты, как обязательные. Первоочередные

работы должны быть включены в первую очередь. Этот вопрос не должен пересматриваться»⁶.

Стенограмма сохранила момент, когда представитель ГОИ, начальник химического сектора академик И. В. Гребенщиков, буквально обрывает докладчика из ВООМП, Л. Г. Титова, во время оглашения содержания темы: «Здесь один пункт меня несколько смущает – именно слово “оптическое стекло”. Объясняется это тем, что эта работа базируется на проведении в текущем году (1933 г.) исследования о влиянии водяных паров на лучшее взаимодействие шихты, кремнезема, окиси натрия и окиси кальция, причем дело здесь обуславливается наиболее простыми компонентами, с одной стороны, и, кроме того, этот тип стекла очень широко вообще применяется в промышленности. Конечно, такие стекла имеются и оптические, но назвать эту шихту оптической никоим образом нельзя. Если оставить слово “оптическое” стекло, то необходимо, по существу, предварительную работу текущего года повторить на шихте оптического стекла. Это было бы возможно, но это представляло бы другую тему, а не эту. Поэтому, если вычеркнуть слово “оптическое”, то все пункты и вытекающие отсюда требования, которые предъявляются промышленностью, могли бы быть выполненными»⁷.

Парируя оппоненту, представитель объединения Я. Н. Перепелкин не сдержался и позволил себе крепкое словцо: «Требования оптического стекла не могут быть удовлетворены в условиях лабораторных. В лабораторных условиях получить “г...-стекло” нельзя. Оптическое стекло делится по составу так, что нельзя утверждать, что

калиево-кальциевое стекло является оптическим. Поэтому целесообразнее от этого отказаться, но там есть и редакционная поправка»⁸. В этом коротком диалоге – вся суть конфликта между высокой физикой и суровой реальностью цеха.

Особый интерес для исследователя представляет зафиксированный в стенограмме спор о классификации и очередности работ. В ходе согласования тематики на 1934 г. представители ВООМП выступили с инициативой жесткого разделения тем на «спецфонд» и «культурно-промышленные». За этой, на первый взгляд, технической терминологией скрывался глубокий конфликт приоритетов индустриализации. Стенограмма сохранила живую динамику этого торга: «Представитель ВООМП: Мы предлагаем четко разграничить темы первой очереди. Все, что идет по спецфонду – это безусловный приоритет, здесь сроки не обсуждаются. Культурно-промышленные заказы – по остаточному принципу, исходя из мощностей лабораторий ГОИ»⁹.

Таким образом, стенограмма 1934 г. фиксирует момент, когда научная тематика перестала быть единой. Она была расколота политической необходимостью на приоритетную и второстепенную, что на десятилетия вперед определило структуру работы ГОИ как ключевого звена в системе обеспечения государственной безопасности.

Центральное место дискуссий середины 1930-х гг. занял вопрос о формах и масштабах обслуживания оптико-механической промышленности по линии ГОИ. Анализ стенограмм совещаний с ВООМП показывает, что к этому времени понятие «обслуживание» вышло за рамки эпизодических консультаций и приобрело характер тоталь-

⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 291. Л. 1–3 об.

⁷ Там же. Л. 4, 4 об.

⁸ Там же. Л. 5, 5 об.

⁹ Там же. Л. 46 об.

ного научно-технологического патронажа [1, с. 205].

Особый интерес в контексте анализа живой связи с индустрией вызывает обсуждение судьбы специализированных структур-посредников. Стенограмма совещания о научно-техническом обслуживании оптико-механической промышленности ГОИ от 15 сентября 1934 г. фиксирует важный организационный перелом: деятельность Бюро обслуживания оптико-механической промышленности (БООП), созданного ранее для координации взаимодействия, к этому моменту стремительно теряет актуальность. «Ольберт – года два тому назад по инициативе Н. Н. Качалова была создана организация под названием “Бюро обслуживания оптико-механической промышленности (БООП)”. Первый год показал нам ряд положительных сторон этой работы. Имели мы положительные стороны работы в этой области и в 1934 году, но надо сказать, что жизнь течет, положение на заводах меняется и ряд моментов говорят о необходимости изменять как наши формы и может быть, перестроиться для того, чтобы это обслуживание которое было в 1933 году и идет в 1934 г., немножко изменить и поправить в то русло, которое в настоящее время более целесообразно для промышленности исходя из его потребностей»¹⁰.

Насколько остро стоял вопрос о состоянии живой связи ГОИ с оптической промышленностью как обязательном условии работы, наиболее ярко отражено в следующей реплике стенограммы: «Качалов – как сказал наш председатель, мне поручено на настоящем собрании выступить с основным докладом по вопросу о состоянии живой связи ГОИ с оптической промышленностью... Прежде всего для того, чтобы установить ясность в наших дальнейших

разговорах, я считал бы полезным попытаться сделать определение того, что можно понимать под словами “техническая помощь Института заводам?”

Все формы такой помощи могут быть разбиты на две основные группы: первая группа значительно большая по объему, это – работа в стенах Института, которая поглощается главным образом, планами научно-исследовательскими заданиями, передаваемыми от промышленности и выполняемыми силами Института, а также и внеплановыми в известном проценте, в соответствии с той мощностью, которую Институт резервировал для промышленности для тех заданий, необходимость которых возникает не к началу операционного года, а в середине его.

Второй тип работ, относящийся к первой группе, т. е. к работам в стенах Института, это – обучение работников завода в стенах Института тем или иным отдельным вопросам, отдельным приемам, в частности, как наиболее часто это бывает на практике, обучение контрольным приемам, разработанным в Институте. Вот две формы работы, проводящиеся в стенах Института.

Вторая группа работы – работа Института на местах, на заводах, или то, что принято называть по последней терминологии “скорой технической помощью”. Это вторая группа работы укладывается в сферу деятельности БООПа, и она сегодня должна занимать наше внимание.

Она может быть разбита на следующие 5 видов: во-первых, консультация как в лабораториях, так и в цехах завода по всевозможным вопросам. Это встреча научных работников с производственниками на месте, как говорят “у станка”, где достаточно известного словесного обмена мнениями. Во-вторых, участие непосредственное, си-

¹⁰ Стенограмма и протоколы совещаний о научно-производственных связях института с оптико-механической промышленностью // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 319. Л. 10.

лами работников Института, в ликвидации заводских неполадок. Эта работа или единовременная, или работа бригады. Эта форма скорой помощи довольно часто имела место на наших предприятиях и отзывы о деятельности такого рода бригад всегда были благоприятны.

Третья категория скорой помощи, это есть все мероприятия, связанные с реализацией достижений научно-исследовательского Института с внедрением его работ на производстве. Четвертая форма это – доклады в порядке обмена опытом. Пятая – методологическое руководство работами заводских лабораторий¹¹.

Логика развития ГОИ во второй половине 1930-х гг. неразрывно связана с глобальной трансформацией управления советской наукой. 1936 г. стал переломным для всего научно-исследовательского сектора НКТП: под руководством Г. К. Орджоникидзе была инициирована масштабная реформа, целью которой было окончательно повернуть науку лицом к производству. Этот идеологический и административный разворот требовал перехода от автономного существования институтов к их полной интеграции в промышленную ткань страны.

Прямым инструментом реализации этой политики стал приказ НКТП от 4 октября 1936 г., который перевел общие установки Орджоникидзе в плоскость конкретных директив. Для ГОИ этот документ стал не просто ведомственным распоряжением, а катализатором глубокого внутреннего перерождения [5, с. 15–35].

Для понимания глубины организационного маневра стоит обратиться к прямой аргументации руководства института. В своей пояснительной записке директор ГОИ

В. А. Тихомиров подчеркивал, что перестройка структуры – это прежде всего борьба за высвобождение творческой энергии ученого из-под пресса бюрократии. Обосновывая реализацию приказа НКТП, он писал: «Приказ НКТП от 4 октября 1936 года об улучшении научно-исследовательской работы предлагает заменить существующий многозвенную систему соподчинения (отделы, сектора, лаборатории, группы и т. д.) двухзвенной системой Директор – Лаборатории, в целях освобождения научных работников от ненужной административной работы, отвлекающей их от действительного научного руководства»¹².

Однако внедрение двухзвенной системы управления требовало не просто волевого решения, но и демонтажа десятилетиями складывавшейся иерархии. Стенограммы и пояснительные записки того периода фиксируют критический взгляд руководства на существовавшую структуру ГОИ, которая к середине 1930-х гг. стала слишком тяжеловесной для темпов индустриализации.

Принимая во внимание необходимость радикальной ликвидации лишних управленческих этажей, В. А. Тихомиров в своей записке дает четкую характеристику прежнего устройства института: «Существующая до сих пор в ГОИ структура является образцом многозвенной системы соподчинения. В настоящее время в Институте имеются 3 основных отдела. В каждом отделе имеются научные сектора, в каждом секторе лаборатории, группы. Во главе каждого отдела, сектора, лаборатории, группы находится начальник, который значительную часть времени уделяет выполнению хозяйственных и административных функций.

¹¹ Стенограмма и протоколы совещаний о научно-производственных связях института с оптико-механической промышленностью // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 319. Л. 11 об.

¹² Пояснительная записка директора института В. А. Тихомирова о перестройке структуры института // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 385. Л. 1.

В настоящий момент таких начальников в Институте насчитывается достаточное количество человек. Все они являются высококвалифицированными научными работниками. Освобождение указанных научных работников от административно-хозяйственных обязанностей безусловно усилит научное руководство работой. Принимая к исполнению приказ Наркома Институт считает вполне возможным ликвидировать существующие отделы и сектора и установить следующую структуру Института»¹³.

Описывая новую намеченную структуру института, В. А. Тихомиров в своей записке дает предельно ясную формулировку того, на каких принципах отныне будет строиться работа ГОИ: «Основным звеном Института по новой структуре является лаборатория. Лаборатории организуются по принципу специализации в разрешении научно-технических проблем из области оптики, которые в своей совокупности составляют основное содержание работы Института. Таким образом Государственный Оптический институт является Центральным научно-техническим учреждением, объединяющим все главные отрасли теоретической и прикладной оптики.

Научные лаборатории намечаются организовать следующего характера: лаборатория общей спектроскопии (руководитель академик Д. С. Рождественский); лаборатория молекулярной и атомной спектроскопии, (руководитель действительный член Института В. И. Чулановский); лаборатория фото-химии (руководитель доктор физики – А. Н. Теренин); лаборатория спектрального анализа (руководитель профессор В. К. Прокофьев); лаборатория инфра-красных лучей (руководитель доцент Т. Л. Вейнгеро); лаборатория люминесцентного анализа (руководитель академик С. И. Ва-

вилов). Общее научное руководство указанной группы лабораторий будет осуществлять академик Д. С. Рождественский»¹⁴.

Из анализа текста записки становится ясно, что во главе большинства лабораторий стоят крупные научные работники, которые, в отличие от положения при старой структуре, должны осуществлять подлинное научное руководство лабораториями и непосредственно лично вести научную работу.

К 1938 г. внешнеполитический горизонт окончательно омрачился, что не могло не наложить отпечаток на внутреннюю жизнь ГОИ. Мюнхенский сговор, нарастающая агрессия нацистской Германии и Японии перевели вопрос об оптической независимости из разряда экономических задач в разряд выживания нации.

Анализ стенограмм этого периода показывает, как внешняя угроза трансформировала научный дискурс института: в выступлениях ученых все чаще звучит осознание того, что западные каналы обмена опытом и закупки оборудования могут быть перекрыты в любой момент. Научная мысль 1938 г. лихорадочно ищет способы создания автономных технологий, не зависящих от импортных комплектующих.

Внешнеполитическое напряжение привело к тому, что гражданская тематика в планах ГОИ практически полностью вытесняется требованиями военного ведомства. Стенограммы фиксируют призыв ученых ГОИ держать всю страну в состоянии мобилизационной готовности военного нападения: «Мы в большей степени должны работать над совершенствованием вооружения нашей Красной Армии, над увеличением скоростей нашей авиации, над увеличением стабильности нашей Красной Армии. Мы должны ответить работой над улучшением

¹³ Пояснительная записка директора института В. А. Тихомирова о перестройке структуры института // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 385. Л. 2.

¹⁴ Там же.

средств связи, наблюдения, над улучшением военных приборов и средств защиты нашего города от возможности воздушно-го нападения. Мы должны ответить еще большим приближением науки к практике, к производству. Мы должны ответить прямой нашей работой над поднятием производительности нашей промышленности и сельского хозяйства, как основ повышения материального уровня трудящихся, как основы радости и укрепления нашей страны. С этих точек зрения и только с них рассматривать и давать нужную оценку действительности нашей науки, нашего Института и каждого из нас»¹⁵.

Таким образом, к концу 1930-х гг. внешняя среда окончательно диктовала Институту мобилизационный сценарий. ГОИ вошел в 1938 г. как отлаженная, очищенная от бюрократии структура, где наука была полностью подчинена одной цели – обеспечению превосходства отечественного вооружения. Эта «предгрозовая» закалка, зафиксированная в документах, стала решающим преимуществом, когда в июне 1941 г. время мирных дискуссий окончательно подошло к концу.

Подводя итог анализу стенографических материалов 1930-х гг., можно сформулировать ключевые выводы о том, как в этот период закладывался фундамент советской оптической индустрии. Стенограммы совещаний 1932 и 1934 гг. – это не просто протоколы встреч, а документальное свидетельство радикальной трансформации научной мысли. Если совещание 4 мая 1932 г. зафиксировало внутренний кризис роста и «неувязки» в планировании, то встречи 1934 г. с представителями ВООМП, ЛенЗОС и ГОМЗ показали, что ГОИ успешно преодолел роль замкнутого академического учреждения. Институт превратился в еди-

ный научно-производственный комплекс. В 2026 г. этот опыт интеграции науки и заводов рассматривается как один из первых успешных примеров создания полной технологической цепочки.

Разделение тематики на «спецфонд» и «культурно-промышленные» работы, зафиксированное в стенограммах, определило вектор развития ГОИ на десятилетия. Оборонный заказ стал не только бременем, но и мощным ресурсом: именно под задачи спецфонда институт получал дефицитное оборудование и новые корпуса, что в итоге поднимало общий технологический уровень и гражданских разработок.

Диалог между «триумvirатом» и директорами заводов сформировал уникальную культуру ответственности. Стенограммы показывают, что успех 1930-х гг. держался на культуре прямого обсуждения проблем. Научная мысль не просто выдавала формулы – она адаптировала их под «крик» заводского цеха о браке и нехватке приборов.

К концу 1930-х гг., согласно изученным материалам, ГОИ подошел в статусе безоговорочного лидера отрасли. Стенограммы этого десятилетия зеркалят процесс обретения оптического суверенитета: от полной зависимости от немецкого стекла и приборов «Карл Цейс» в 1930 г. до способности самостоятельно проектировать и выпускать сложнейшие системы к 1939-му.

Этот период стал «закалкой» перед самым суровым испытанием. Та управленческая модель и те связи с заводами, которые так мучительно согласовывались в кабинетах директоров ГОИ, стали тем фундаментом, который позволил институту в 1941 г. не просто выжить в эвакуации, но и стать «глазами» воюющей страны.

Переход к 1940-м гг. в источниковедческом плане отмечен парадоксальным явлени-

¹⁵ Стенограмма совещания научно-технического актива института о выполнении плана работ за 1938 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 420. Л. 3.

ем. Если предвоенное десятилетие оставило нам многотомные, детальные стенограммы дискуссий, то период с 1941 по 1945 г. характеризуется практически полным отсутствием стенографических материалов. Это «молчание» архива само по себе является мощной характеристикой эпохи.

Анализ причин отсутствия стенограмм в годы войны позволяет выделить несколько факторов: во-первых, в условиях эвакуации в Йошкар-Олу и работы над заказами Главного артиллерийского управления (ГАУ) и Военно-воздушных сил (ВВС), ведение подробных стенограмм живой речи стало невозможным из соображений безопасности. Дискуссии сменились короткими, сухими протоколами решений, не допускавшими интерпретаций. Во-вторых, двухзвенная система управления «директор – лаборатория», внедренная В. А. Тихомировым в 1937 г., в военное время достигла апогея. Решения принимались «у станка» или «у вычислительного стола», а дистанция между идеей и чертежом сократилась до часов. На ведение многочасовых стенографических записей и их последующую расшифровку просто не оставалось ни времени, ни ресурсов. В-третьих, в Йошкар-Оле ГОИ превратился в гигантское конструкторское бюро. Научная мысль из плоскости «обмена мнениями» окончательно перешла в плоскость «выдачи продукта».

Несмотря на отсутствие стенограмм, результаты работы института в этот период (создание новых типов танковых прицелов, аэрофотообъективов и приборов ночного видения) доказывают, что структурная закладка 1930-х гг. выдержала испытание. Та самая «живая связь» с заводами ГОМЗ и ЛенЗОС, о которой так много спорили в 1934-м, в 1942-м превратилась в ежедневную совместную работу ученых и мастеров в неотапливаемых цехах эвакуации.

Таким образом, отсутствие стенограмм военного времени – это свидетельство предельной концентрации. Научная мысль ГОИ не исчезла – она воплотилась в металл и стекло, обеспечив фронт «глазами», превосходящими лучшие образцы противника.

Возвращение к практике широких публичных обсуждений в послевоенный период ознаменовалось поиском новой идентичности института. Осень 1946 г. вернула в залы ГОИ живую, масштабную дискуссию. Стенограмма общеинститутского собрания от 11 октября 1946 г. стала одним из первых проектирований будущего в новых геополитических условиях.

Центральной фигурой этого обсуждения стал директор ГОИ Дмитрий Павлович Чехматаев. Его доклад был посвящен не просто восстановлению лабораторий, а качественному скачку научной мысли. В стенограмме зафиксирован его программный призыв к коллективу: «Сегодня я имею возможность довести до Вашего сведения основное содержание постановления Правительства, подписанное товарищем Сталиным “О дальнейшем развитии Государственного Ордена Ленина Оптического института Министерства Вооружения”. Наше время – это время исключительного технического прогресса во всех областях человеческой деятельности, обусловленного более широким, всесторонним использованием научных достижений в промышленности, сельском хозяйстве; организации труда, а в нашем государстве и в организации самого государства. Давно отошли в область предания времена, когда наука была достоянием университетов и там личным делом, побочным занятием профессоров и преподавателей того времени, основной профессией которых являлось именно преподавание¹⁶.

Выступление руководства института на октябрьском собрании 1946 г. оформляло

¹⁶ Доклад директора института Д. П. Чехматаева на общеинститутском собрании о будущем развитии института. 1946 год. Общий отдел // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 14. Д. 554. Л. 1.

новую философию существования науки в послевоенном мире. В стенограмме зафиксирован момент окончательного признания того, что научная мысль перестала быть уделом одиночек и стала мощной индустриальной силой. Обобщая этот исторический сдвиг, в дискуссии прозвучал важнейший тезис, определивший роль ГОИ в структуре страны: «В наши времена научная работа является основной профессией большого числа лиц, объединенных в крупных научных учреждениях, которые являются основной необходимой частью государственного промышленного и хозяйственного аппарата. Эти научные учреждения являются главнейшим средством активного преобразования процессов производства и природы.

Иначе говоря, в наше время наука является одним из главнейших орудий государства в деле организации и развития общественного производства. Она развивается, организуется, планируется, направляется и используется исходя из этих потребностей организации и развития производительных сил общественного производства. В капиталистических странах наука и ученые принуждены служить в интересах капиталистов. У нас в стране она служит и должна служить интересам народа, исполнению планов нашего государства, направленных на развитие народного хозяйства, в интересах всего народа, на укрепление обороны страны, для защиты этих интересов. Следует привести слова президента США Рузвельта о советской науке: «Главная цель советской науки не в повышении прибыли, а в благоустройстве трудящихся. Основное принципиальное отличие советской науки от других стран не только в особенностях технических методов, сколько в полном со-

единении с социальной жизнью» (Слова в обзоре научно-исследовательских работ США в июне 1941 г.)¹⁷.

Осознание масштаба задач в послевоенный период сопровождалось в стенограммах 1946 г. глубокой рефлексией об уникальности места института в государственной системе. В выступлении директора ГОИ Д. П. Чехматаева звучала гордость за тот универсализм, который удалось сохранить и приумножить за годы испытаний. В стенограмме зафиксировано программное утверждение исключительного статуса организации: «Наш институт является единственным институтом в нашей стране, научная деятельность которого протекает в очень широкой многосторонней области науки – оптике, значение которой для многих областей производства и деятельности человека очень велико. Он связан и возглавляет в научном отношении не менее широкую область производства по существу своему обязанную быть связанной с очень многими отраслями промышленности и обороны нашей страны. Он может и должен развиваться, если он будет непосредственно связан с этими отраслями и будет работать в этих отраслях. Свои функции в полной мере он будет исполнять, если станет крупным, хорошо оборудованным научным учреждением и, как всякое современное научное учреждение, будет иметь свои собственные экспериментальные и производственные и опытные базы, где можно будет доработать и довести до конца любую идею, новую мысль и новые предложения»¹⁸.

Завершая программное выступление 11 октября 1946 г., Д. П. Чехматаев перевел дискуссию из области достижений в плоскость конкретного планирования. Стенограмма сохранила перечень предстоящих

¹⁷ Доклад директора института Д. П. Чехматаева на общеинститутском собрании о будущем развитии института. 1946 год. Общий отдел // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 14. Д. 554. Л. 2, 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

задач, которые должны были определить облик советской оптики на десятилетия вперед: «Во-первых, закончить план работ 1946 года. Полная мобилизация всех сил. Во-вторых, наметить перспективный план работ и план работ 1947 года. Здесь необходимо проявить большую инициативу и призвать чувство ответственности для того, чтобы найти нужные задачи, вытекающие из закона о пятилетнем плане развития, из роли нашей научной области для страны, ее хозяйства и обороны. Нам не к лицу стоять на точке зрения: дайте задания – мы исполним. Нам дано большое и в то же время ответственное право находить самим эти задачи. Каждый должен основательно разобраться в тех новых путях, которые указаны в законе о пятилетнем плане для народного хозяйства нашей страны. Разумеется, для этого нужно прежде всего очень хорошо знать этот закон. Сама профессия наша обязывает нас в нашей стране, – где наука освобождена от необходимости служить частному интересу и является основой самого государства и развития его, – найти место и определить свою роль в громадных задачах этого всенародного дела»¹⁹.

Чехматаев продолжил: «Обеспечивая улучшение материального положения научных работников, развитие самих научных учреждений, наше Правительство безусловно рассчитывает на то, что эти народные средства будут эффективно использованы и дадут нужный эффект. Никто не имеет права рассматривать это как благодеяние, оказываемое по каким-то поводам. Каждому необходимо с лихвой окупить эти затраты»²⁰.

Четвертая задача касалась кадрового обеспечения института. Прежде всего речь шла о научной самокритике, исключаящей

вопросы личной связи, нежелание обидеть товарища и т. д. Директор ГОИ обращал внимание «на одно положение, начинающее принимать хронические формы, в силу которого некоторые работники рассматривать свою деятельность в Институте, как сугубо личное дело, как средство для достижения определенного положения»²¹.

Таким образом, директор давал понять: «Забудьте о личных интересах и свободном поиске. Институт – это не клуб по интересам, а оборонный цех». Слово «хронический» означало, что директор видит в академическом индивидуализме «болезнь», которую пора лечить радикально. Это был сигнал: «Либо вы встраиваетесь в общую систему плановой экономики, либо система избавится от вас как от вредного элемента».

Заключение

Анализ стенографических материалов Государственного оптического института за период с 1930-х до середины 1940-х гг. позволяет по-новому взглянуть на историю советского «технологического чуда». Стенограмма как исторический источник оказалась уникальным зеркалом, запечатлевшим не только итоговый триумф, но и живую, порой болезненную динамику научной мысли.

Проделанный нами путь – от «неувязок» и дефицита кадров в 1932 г., через мучительный поиск «живой связи» с ВООМП в 1934-м и ликвидацию посреднического БООП, до жесткой двухзвенной структуры 1937 г. – демонстрирует процесс рождения уникальной управленческой модели. Мы увидели, как под влиянием внешних угроз и приказов НКТП институт трансформировался из академического центра в мощный оборонный штаб.

¹⁹ Доклад директора института Д. П. Чехматаева на общепрофессиональном собрании о будущем развитии института. 1946 год. Общий отдел // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 14. Д. 554. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 9.

В 2026 г., когда вопросы технологического суверенитета вновь выходят на первый план, опыт ГОИ, зафиксированный на пожелтевших листах стенограмм, остается бесценным уроком. Он учит нас тому, что

за каждой линзой и каждым прибором стоит не только формула, но и выверенная система управления, способная превратить смелую научную мысль в фундамент национальной безопасности и промышленного величия.

Список источников

1. *Белозеров А. Ф.* Оптика России. Очерки истории и развития. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. Т. 1. 604 с.
2. *Новиков В. Н.* Накануне и в дни испытаний / лит. запись Ж. В. Таратуты. М.: Политиздат, 1988. 398 с.
3. Очерк научной биографии Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (к 100-летию со дня основания) // *Оптический журнал*. 2018. Т. 85, № 11. С. 4–7.
4. *Рождественский Д. С.* Собрание трудов. М.; Л., 1949. 727 с.
5. *Царевский Е. Н.* Общий очерк истории Государственного оптического института // *Оптический институт им. С. И. Вавилова (Ленинград). 50 лет Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (1918–1968): сб. ст. Л., 1968.*

References

1. *Belozerov A. F.* Optics of Russia. Essays on History and Development. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2012. Vol. 1. 604 p. (In Russ.)
2. *Novikov V. N.* On the Eve and in the Days of Trials. lit. record by Zh. V. Taratuta. Moscow: Politizdat, 1988. 398 p. (In Russ.)
3. Essay on the scientific biography of the State Optical Institute named after S. I. Vavilov (on the 100th anniversary of its foundation). *Opticheskij zhurnal = Optical Journal*. 2018. Vol. 85, No. 11. P. 4–7. (In Russ.)
4. *Rozhdestvensky D. S.* Collected Works. Moscow; Leningrad, 1949. 727 p. (In Russ.)
5. *Tsarevsky E. N.* General Essay on the History of the State Optical Institute. S. I. Vavilov Optical Institute (Leningrad). 50 Years of the S. I. Vavilov State Optical Institute (1918–1968): Collection of Articles. Leningrad, 1. (In Russ.)

Поступила 20.01.2026.

Сведения об авторах

Арсентьев Николай Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия), главный редактор журналов «Экономическая история», «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования». Сфера научных интересов: социально-экономическая история России конца XVIII – начала XX в., информационные технологии в исторической науке. Автор около 300 научных публикаций, в том числе 19 монографий, 30 учебников и учебных пособий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Слудных Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, генеральный директор АО «Производственное объединение ОУМЗ имени Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: проблемы социально-экономической истории России XX в., история оптико-механической промышленности России XIX–XX вв. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Аверьянова Екатерина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – социально-экономическая история России XX в. Автор 8 научных публикаций, в том числе соавтор 3 монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-8295>.

E-mail: averyanova-morm@mail.ru

Submitted 20.01.2026.

About the authors

Nikolay M. Arsenyev – Corresponding Member, the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Chief Scientific Officer, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Honored Scientist of the Republic of Mordovia, Editor-in-chief of the journals “Russian Journal of Economic History”, “Russian Journal of the Humanities”. Research interests: socio-economic history of Russia at the end of the 18th – early 20th century, information technology in historical science. The author of more than 300 scientific publications, including 19 monographs, 30 textbooks and manuals. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Anatoly V. Sludnyh – Cand. Sci. (History), Director, Ural Optical and Mechanical Plant (Ekaterinburg, Russia). His research interests include problems of the economic history of Russia, the history of the optical and mechanical industry. Research interests: problems of economic history of Russia, history of the optical and mechanical industry. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Ekaterina A. Averyanova – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of Russian History, National Research Ogarev State University (Saransk, Russia). Research interests: socio-economic Russia of the XX century. Author of 9 scientific publications, including co-author of 3 monographs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-8295>.

E-mail: averyanova-morm@mail.ru